

Мэгги Шайн

Кровная связь

Крылья в ночи

Мэгги Шайн
Кровная связь

«Центрполиграф»

2011

Шайн М.

Кровная связь / М. Шайн — «Центрполиграф», 2011 — (Крылья в ночи)

ISBN 978-5-227-02846-4

Лилит не помнила, кто она, откуда и что с нею произошло, но странным образом знала, где может скраться от преследователей. Девушка обнаружила, что наделена сверхъестественной силой, ловкостью, острым зрением, слухом, обонянием и необыкновенной интуицией, которая привела ее туда, где она нашла друга. Этан узнал ее, объяснил, что он и она, по рождению Избранные, были обращены в вампиров в лаборатории, которая называется Фермой, и рассказал о том, какие страшные вещи там происходят. Вместе они решают вернуться на Ферму и спасти ее узников...

ISBN 978-5-227-02846-4

© Шайн М., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мэгги Шайн

Кровная связь

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Моей первой мыслью, когда я проснулась, было: «Неужели я мертва?» Уже позже я поняла, насколько точным было это первое, интуитивное определение, казавшееся несколько абсурдным.

Должно быть, я умерла.

И так же быстро, как она появилась, мысль пропала.

Я не умерла. Я замерзла. Но ощущения были странными, потому что я не дрожала и не испытывала неудобство, а просто знала, что я замерзла. И еще промокла.

Я медленно открыла глаза и моргнула, чтобы стряхнуть с себя остатки сна, потому что, очевидно, спала. Было темно. Но стемнело совсем недавно. У меня было именно такое чувство, хотя в тот момент я не понимала, каким образом могла определить, что тьма наступила недавно. Хотя меня часто посещали мысли, необычные для простых людей. И раньше я на это никогда не обращала внимания.

Или обращала?

Странно, но я не помнила этого. Я справилась с легким приступом тошноты, появившимся с мыслью о смерти, и сосредоточила внимание на окружающем мире. Прежде всего я поняла, что лежу на земле. Твердой, влажной, но не грязной. Тут и там выглядывали клочки травы, виднелись одуванчики, гордые оттого, что им удастся выживать в таких суровых условиях. Понятно. Я лежу на земле. Не на ровной земле, а на пригорке, который спускается вниз, к мостовой где-то внизу. И над этим всем... Потолок?

Мост.

Я находилась под мостом, с двух сторон которого лил дождь.

Почему, подумала я, лежу на улице, на голой земле, под мостом, в дождь, посреди ночи?

Обнаженная. Без одежды.

Заставив себя перевести взгляд на вещи, что были ко мне ближе, я заметила сырой кусок картона, который укрывал меня, словно одеяло. Почувствовала запах влажного картона, когда сбросила его с себя, и ощутила, что моя кожа пахнет так же.

Меня начало трясти. Я была испугана и чувствовала, как паника овладевает мной. Я закрыла глаза, напрягла спину, задержала дыхание и сказала себе: «Спокойно. Не волнуйся. Не волнуйся и думай. Ответ придет».

Я снова открыла глаза и посмотрела вниз на свое тело. Оно было длинным и худым. Может, я просто была нездорова. Хотя не чувствовала себя больной. И мое тело казалось более худым, чем обычно.

На самом деле я чувствовала себя...

Сильной.

Я разжала пальцы, чтобы убедиться, что они двигаются, и согнула их снова. Я внимательно изучала свои изящные руки, длинные ноги, тонкую талию, бедра, маленькие округлые груди, как будто видела их впервые. И тут я заметила прядь волос, свисавшую с плеча, и

взяла ее в руку, чтобы рассмотреть. Волосы были медно-красного цвета, такие называют темно-рыжими. Мне показалось, они были кудрявыми и длинными-длинными, как и все мое тело.

Я встала, и волосы опустились до самых бедер. Тут мое внимание привлек звук. Моя голова резко повернулась в ту сторону, откуда шел этот звук, мой нос сморщился, и я поняла, что принимаю к влажному воздуху. Мои глаза сузились, и в голове пронеслось: *заяц*. И потом я увидела его, перебегающего от одного кустарника к другому, далеко впереди. Возможно, в полумиле от меня.

Я не могла увидеть зайца на таком расстоянии, в темноте, во время дождя, не то что определить его по запаху. Но это было так, и я поняла, по мере того как мои чувства оживали одно за другим, что слышу *множество* звуков и обоняю еще больше – быстрое движение птичьих крыльев и запах листьев в гнезде, тихий полет мотылька и запах пыльцы на его теле, журчание ручейка где-то вне пределов видимости, запах речной воды и даже рыбы, живущей на глубине. Я почувствовала запах осени. Запах разлагающихся листьев был таким резким и приятным, вызывая в памяти неясные чувства и воспоминания, что заглушал все остальное. Этот запах успокаивал. Я слышала звуки машин, которые еще нельзя было увидеть, чувствовала запах выхлопных газов. Я почувствовала, как мои брови поползли вверх, и прижала кончики пальцев ко лбу. «Кто я?» – прошептала я.

В этот момент я увидела свет. Это были фары автомобиля, который ехал по направлению ко мне. Я стала медленно спускаться с холма. Мои ноги оказались очень чувствительными, я ощущала каждый камешек. Я втянула в себя воздух, но не остановилась, а поспешила вперед.

Я замерла на полдороги как раз в тот момент, когда машина заехала под мост и остановилась в десяти футах от того места, где я стояла. Я не двигалась, а просто стояла перед ней, обнаженная, и ждала. Я почувствовала неприятное покалывание в шее. Это было предупреждением.

Машина была большой и черной. Внедорожник, подумала я. И причем дорогой. Мой взгляд скользнул к марке машины: лавровый венок, окружавший щит. Я почему-то подумала, что должна запомнить это, и продолжала смотреть на машину, не зная, следует ли мне подойти ближе или скрыться. Тонированное стекло водителя чуть-чуть приоткрылось. Мужской голос произнес: «Садись».

Почувствовав резкий холод на загривке, я вздрогнула, и все внутри меня напряглось. Я притаилась, приготовясь бежать, хотя не знала, откуда взялся этот порыв. Я проигнорировала его и не сдвигалась с места.

И тогда через маленькую щель в окне автомобиля я увидела дуло пистолета, направленное мне в голову. На этот раз голос был холодным: «Я *сказал*, садись».

Пружина, которая сгибалась внутри меня, вдруг разогнулась. Мое тело внезапно пришло в движение, будто побуждаемое какой-то внешней силой. Я повернулась, прыгнула и стремительно перелетела с насыпи на тротуар за мостом. Мои ноги едва коснулись щебня, и я уже двигалась дальше.

Сзади я слышала шуршание шин, затем выстрелы, такие громкие, что мне показалось, будто мои барабанные перепонки должны лопнуть, но я не почувствовала никакой боли. Ни одна из пуль не достигла цели. Когда я осмелилась посмотреть через плечо, не замедляя бега, я заметила, что свет фар становится бледнее, но машина продолжала преследовать меня. Я была без обуви и бежала под проливным дождем. И все же я понемногу отрывалась от преследователя.

Почти без раздумий я повернула влево, спустилась с тротуара и побежала по неровной местности через поле, поросшее густой яркой травой. Я бежала, пока машина не осталась далеко позади, но продолжала бежать, испытывая странное чувство, в порыве экстаза, который я не могла понять, легко перепрыгивая через валуны и ветки, валявшиеся на земле. Я перепрыгнула ручей, журчание которого слышно было издалека, в полной уверенности, что при-

землю по колени в воде, но вместо этого оказалась на земле. Спугнула самку оленя, которая сорвалась с места и помчалась куда-то в темноту. Вскоре и она пропала из виду, но я продолжала бежать.

Боже, что это *было* такое? Как это было *возможно*?

В конце концов, когда наконец начала уставать, я остановилась и снова попыталась понять, кто я и что я, но не могла найти ответ на эти вопросы.

Tabula rasa. Фраза прозвучала эхом в моей голове. *Чистая дощечка.* Как будто то, что я знала, или то, чем я была, оказалось стерто.

Вместо того чтобы искать ответы в себе, я осмотрела окрестности. Я подумала о том, что мне понадобится еда, убежище и, возможно, какая-то одежда, если я хочу выжить и понять, что происходит. Это были неотложные требования. Но их было легче удовлетворить, чем справиться с внутренней пустотой. При этой мысли я чуть не впала в панику и почувствовала, что, если поддамся этому внезапному чувству, возврата не будет. Я оказалась в небольшом лесном раю. Земля была усыпана опавшими листьями, деревья стояли с красноватыми, оранжевыми и золотыми кронами. Я шла по лесу, повинаясь инстинкту, дошла до его края, чтобы посмотреть, что находится дальше, и обнаружила тротуар, ведущий, по-видимому, к небольшому городу. Я пошла по нему и увидела колокольню церкви, несколько больших сараев и много маленьких домов, из труб которых поднимался дым, красный дом с белыми ставнями, располагавшийся поодаль от городка, на холме, и окруженный зеленой и белым деревянным забором. Рядом с ним стоял красный амбар. Вдруг в голове возник образ. Мужчина, целующий меня. Незнакомые, сильные, прекрасные чувства наполняют меня. Мои руки запутались в черных волосах. Внезапно вспышка исчезла, так же быстро, как появилась. Я хотела, чтобы воспоминание вернулось. Но оно пропало в темных глубоких водах моей памяти. Я разочарованно вздохнула и снова обратила взор на красный домик. Это место приковывало мое внимание, хотя я не понимала почему.

Оно звало меня.

Я должна была идти. Я не имела понятия, почему должна так делать. Но здравый смысл подсказывал, что я могу смело положиться на свои чувства. Каким-то образом они были обострены – я слышала звуки и ощущала запахи, которые не должна была слышать и ощущать. И мои физические способности тоже увеличились, а это было очевидно, потому что я смогла обогнать оленя и оторвалась от «кадиллака»...

Да. «Кадиллак-эскалада». Так называлась эта машина. Я слабо улыбнулась, втайне радуясь тому, что частички воспоминаний начали возвращаться ко мне.

Но если мои физические способности превышали норму, тогда, возможно, и моя интуиция тоже обострилась. Хотя я поймала себя на том, что не могла определить, что значило для меня слово «нормально».

Я решила довериться своей интуиции. Я пойду к тому красному дому – нет, я пойду к амбару около дома – так будет безопаснее. Это место станет моим убежищем на первое время. Там я спланирую свои дальнейшие действия.

Приняв такое решение, я стала спускаться по травянистому склону. Мне пришлось покинуть красивый осенний лес и пойти к деревенской дороге, огибавшей его. Обнаженная, я пошла к этому маленькому городку. Когда я шла, я вдруг почувствовала сильный, резкий голод, какого не испытывала никогда раньше.

21 год назад

Серена моргнула, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение, вызванное лекарствами. В голове ее был туман. Она подняла глаза и увидела мужчину в белом халате, со стетоскопом на шее. Он смотрел не на нее, а на диаграмму.

– Где моя девочка? Я могу видеть ее сейчас? – И она попыталась улыбнуться сквозь туман. Боже, сколько же лекарства они ей вкололи, подумала она. – Я говорю «девочка», хотя точно даже и не знаю. Но мне кажется, что это девочка. Скажите, это правда? Она красивая? Сколько она весит? Почему сестра еще не принесла ее мне?

Доктор опустил карту и положил ее у изножья кровати. Потом подошел поближе и похлопал Серену по руке. Просто похлопал. Он не улыбался.

Что-то сжалось у Серены в груди. И она вдруг поняла, что не хочет слышать его ответ.

– Это была девочка, вы правы. Но... Мне очень жаль, Серена. Ваш ребенок родился мертвым.

Ее будто кувалдой ударили в грудь. Она упала на подушки, в легких не осталось воздуха. Серена сжала грудь, потому что ей показалось, что она не может сделать вдох. Доктор положил ледяную руку ей на затылок.

– Опустите голову и дышите. Просто дышите. – Он нажал на кнопку в стене и быстро сказал:

– Здесь нужна помощь, – потом вытащил что-то из кармана, разломил и поднес к носу Серены.

Она почувствовала резкий запах нашатырного спирта, тяжело вдохнула и отвернула голову. Вдох. Выдох. Она задышала. Как будто ничего не случилось.

– Так лучше, – произнес врач. Когда дверь открылась, он поднял глаза. Вошла медсестра. Молодая привлекательная блондинка.

Серена лишь мельком взглянула на нее, прежде чем пристально посмотреть в глаза доктору.

– Это ложь, – сказала она. – Это ложь. Мой ребенок не был мертворожденным.

Сестра подошла ближе.

– Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Мне очень жаль.

– Мой ребенок родился *живым*, – повторила Серена. Она не сводила взгляда с доктора. – Я слышала ее крик. *Я слышала ее крик.*

– Вы находились под действием сильного успокоительного, – сказал доктор без малейшего сочувствия, деловым тоном. – Такое иногда случается, когда мать думает, что слышала крик своего ребенка. Я понимаю, что вам это трудно понять, но такое случается.

– Я слышала, как она кричала, – повторила Серена. И тут она заметила, что сестра не смотрит ей в глаза.

– Дайте ей успокоительное, – сказал доктор, как будто ее не было в комнате. Потом он подошел к кровати и, взяв историю болезни, написал в ней что-то. – Сделайте ей инъекцию. Прямо сейчас.

Серена напряглась.

– Мне не нужно ваше успокоительное. Говорю вам, я слышала, как моя девочка плакала. Я слышала ее! – Она бросила отчаянный взгляд на сестру. – Я не буду принимать успокоительное. Дайте мне телефон. Я вызову полицию. Я хочу знать, что вы сделали с моей девочкой.

– Ваш ребенок родился мертвым, – повторил доктор.

И тут Серена увидела, что сестра, глядя ей в глаза, незаметно покачала головой.

– Успокоительное, – приказал ей доктор.

Сестра – на ее карточке значилось имя «Морин Кинан» – поспешила за дверь. Серена задумалась над тем, действительно ли она видела тот молчаливый знак, который подала ей сестра Кинан, и не заметил ли его доктор. Но она не могла определить это. Доктор вышел вслед за сестрой.

В ту же секунду, как дверь за доктором закрылась, Серена стала внимательно изучать свою палату, но телефона нигде не было. Она встала с постели, морщась от боли во всем теле, подошла к окну и раздвинула шторы, чтобы выглянуть на улицу.

Солнце на небе висело низко. За окном находилась парковка, комната Серены была на втором этаже.

Боже, где ее ребенок?

Она услышала, как открывается дверь, и легла в кровать.

Вошла сестра Кинан, в ее руке был шприц. Она подошла к кровати, наклонилась и коснулась предплечья Серены.

– Мне действительно не нужно успокоительное, сестра Кинан.

– Просто Морин, я знаю, что оно вам не нужно, – прошептала женщина. – Но вам нужно выслушать меня и сделать все, как я скажу. Я хочу, чтобы вы подождали один час. Притворитесь, что вы без сознания, как будто это лекарство вырубило вас. Понимаете?

– Но что происходит? Где мой ребенок?

– Я не знаю. Я знаю только, что вам надо отсюда убираться, и побыстрее. Подождите один час, потом выбирайтесь через окно. Здесь невысоко. Около пяти футов. В кустах будет рюкзак со всем необходимым. Подождите один час. Потом бегите. А до этого притворитесь спящей.

Снаружи послышался звук приближающихся шагов, Морин быстро вставила иглу в подушку и нажала на шприц.

– Вы без сознания. Вон там часы. – Она немного наклонила голову. – Через час бегите. Ваша жизнь зависит от этого.

Дверь открылась, и вошел доктор. Серена закрыла глаза и откинулась на подушку, притворяясь расслабленной. Она задышала медленно, ровно и глубоко.

– Она успокоилась? – спросил доктор.

– Да. Я поговорила с ней. Мне кажется, я ей нравлюсь.

Его серые, бесстрастные глаза смотрели на нее. Серена чувствовала его взгляд, хотя ее глаза были закрыты.

– Сегодня она нас больше не побеспокоит, – сказал доктор.

– Ей тяжело смириться с этим. Бедняжка, она думает, что слышала крик своего ребенка. Как вы думаете, что это значит? – спросила сестра.

– Вы были там, Морин.

– Но я была не в комнате. Я хочу сказать, я была в отделении, но не...

– И что? Вы слышали, как кричал ребенок?

Эти слова звучали почти как обвинение. Или вызов.

– Нет, доктор Мартин, – ответила сестра Кинан безжизненным тоном. – Я ничего не слышала.

Серена знала, что это была ложь. Она чувствовала это сердцем. Морин Кинан слышала, как кричал ребенок Серены. И хотела помочь.

Серена была права. У нее не было обмана зрения или галлюцинаций, эффект от успокоительного был здесь ни при чем. Ее дочь была жива.

И Серена найдет ее. Даже если будет искать всю жизнь.

Глава 2

Настоящее время

Вечером Этан первым делом зашел к Сцилле и Харибде. Тягловые лошади были достаточно крупными, чтобы сойти за монстров, хотя он считал, что имена, данные им в честь морских чудовищ, были некоторым преувеличением.

Он улыбнулся, представив своих лошадей легендарными мифологическими созданиями. Они охраняли его одиночество так же ревностно, как Сцилла и Харибда охраняли Мессинский пролив.

Когда Этан шел сквозь темноту по узкой тропинке от дома к стойлу, он слышал их тихое приветствие изнутри. Лошади чувствовали, что он приближается. Они также чувствовали приближение опасности и тогда громко храпели и били копытами. Казалось, они понимали, что были такие люди – и их было много, – которые желали видеть Этана мертвым.

Глубоко погруженный в свои мысли, Этан почти подошел к стойлу, когда вдруг поднял голову и почувствовал запах одного из своих. Запах другого вампира.

Дикий? Или один из чистокровных, таких, как он? Специально подготовленный, чтобы выследить и убить его, как выслеживают и убивают всех беглецов?

Застыв, он напряг все свои чувства, настраиваясь на постороннее присутствие, пытаясь уловить угрозу или другой знак. Лошади вели себя на удивление спокойно. Они не всхрапывали и не били копытами, как делали всегда, если ему грозила опасность. Почему они были так спокойны?

Этан чувствовал, что это женщина. Единственная эмоция, исходившая от нее, – страх. Она тоже чувствовала его присутствие, он ощущал это. Но она делала это ненамеренно. Она не сканировала радиоволны, чтобы почувствовать его. Она нашла его случайно. Но теперь вовсе не пыталась прощупать его ум, чтобы оценить его намерения. Этан же научился делать это, когда трансформировал себя два года назад.

Этан не чувствовал ни намека на опасность или угрозу с ее стороны. Все же он снял со стены вилы и вошел в конюшню. Вилы глубоко пронзят ее, и она истечет кровью задолго до рассвета, подумал он, и не сможет получить помощь.

Он шагнул внутрь и сразу же почувствовал приятный запах свежего сухого сена, соломенной подстилки, овса и резкий запах лошадей.

Сцилла тихо всхрапнула и взмахнула хвостом. Это было не предупреждение, а сообщение о том, что что-то привело ее в возбуждение. Она была взволнована. Встревожена, но не испугана.

Спокойно, девочка, – подумал Этан. – Я уже знаю, что здесь кто-то есть. Только не знаю... где именно.

Он завернул за угол и посмотрел кобыле в глаза. Она встряхнула гривой, отвела взгляд, вскинула и опустила голову.

Этан кивнул и посмотрел на соседнее стойло, где стоял Харибда и беззаботно жевал сено. *Никакой помощи от вас, – подумал Этан. Хотя он прекрасно знал, что в случае настоящей опасности Харибда выбил бы дверь стойла. Вместо этого жеребец только бросил на него кроткий взгляд и спокойно продолжал жевать.*

Этан взял вилы в другую руку и бесшумно подошел к двери из красного дерева, за которой находилось небольшое подсобное помещение. Дверь была закрыта. За ней была она. Его уверенность росла с каждым шагом, приближавшим его к двери.

Этан взглянул на вилы, которые держал в руке, и задумался, какое оружие она намеревалась использовать против него. Ружье? Или электрошоковое устройство типа такого, какое он был вынужден использовать на Ферме против других невинных пленников? Или острое и широкое лезвие? Было безумием идти сюда с одними только вилами.

Но он понимал, что у него не было выбора. Если один из Диких нашел его, он должен был убить его до того, как он распространит информацию о его местонахождении. Если это был убийца, посланный с Фермы, расклад оставался тем же. Убить или быть убитым.

Он не мог позволить, чтобы его обнаружили. Он устроил свою жизнь и намеревался за нее бороться – по крайней мере, до тех пор, пока не узнает, что случилось с его братом.

Джеймс покинул его, и Этан не знал, как и почему это произошло. Некоторые из пленных говорили, что его сделала вампиром и послала осуществлять какую-то миссию та организация, которой все они были обязаны своими жизнями, – Отдел паранормальных расследований. Но Этан предпочитал верить, что его брат сбежал и выжил, так же как и он сам. И теперь целью его жизни было найти брата и обеспечить его безопасность – и свободу. Но прежде всего ему предстояло разобраться с незваной вампиршей.

Он медленно открыл дверь подсобки.

Он сразу увидел ее, как будто безошибочно настроился на ее ауру. Рыжие кудри, каскад волос и бледная розоватая кожа. Она сидела на полу, спина ее была прижата к дальней стене, колени согнуты, голова опущена вниз. Длинные волосы укрывали ее всю.

Он знал только одну женщину с такими волосами. Тогда она не была вампиром. Она была тогда одной из Избранных, одной из пленниц, которых держали на Ферме. Так же как и его.

Женщина медленно подняла голову. Ее длинная, тонкая рука поднялась, чтобы убрать волосы с лица, и она пронзила его взглядом изумрудных глаз. Этан выдержал ее взгляд и попытался прочесть ее беспорядочные, перепутанные мысли. Наконец он сказал:

– Ты здесь, чтобы убить меня?

Огромные пушистые ресницы скрыли от него ее глаза.

– Зачем мне тебя убивать?

Потом ресницы снова поднялись, и он ощутил ее состояние. Это был страх. Но в глубине ее глаз скрывалось нечто большее. Но того, что он ожидал увидеть, там не было. Узнавания.

– Я даже не знаю тебя, – продолжила она. Потом она прикусила нижнюю губу и добавила: – Я даже не знаю... себя. Я не знаю даже своего имени.

Слова повисли в воздухе. Женщина поднялась и встала перед ним, руки ее были бес- сильно опущены. Она была обнажена, прекрасна и уязвима во всех смыслах этого слова. Она не была той дикаркой, которую он знал.

На Ферме она была неукротимой. Ее нельзя было сломить. Она постоянно выступала против тех уроков, которые им преподавали. Она не подчинялась. Она отказывалась быть такой бездумно послушной, какими должны были быть все. Часто Избранным давали бессмысленные, иногда жестокие задания. Сломать шею белке. Съесть пригоршню личинок. Провести двенадцать часов на улице, без обуви, во время сильнейшей вьюги. Она, в отличие от всех остальных, отказывалась выполнять эти приказания.

За это ее лишали сна. Ей увеличивали дозы сильнодействующих лекарств. Держали в изолированной комнате, заклеивали липкой лентой веки, чтобы она не могла закрыть глаза, и показывали безумные изображения на огромном экране, в то время как в наушниках, привязанных к ее ушам, звучали указания.

Таким образом ее пытали. Возможно, он знал не всю правду о ней. Среди испуганных, покорных, измученных пленников ходили слухи, что ее убьют, если не смогут сломить.

Ему, по крайней мере, хватило ума, чтобы *притворяться* покорным, пока не представился шанс убежать.

И теперь она стояла перед ним, вампиресса, Избранная, которая не знала его и утверждала, что не знает собственного имени.

Какого черта они сделали с этой неукротимой девчонкой? Что они сделали с Лилит?

21 год назад

Серена закрыла глаза и снова вспомнила первый крик дочери.

Она следила за стрелкой часов из-под опущенных ресниц и ровно в ту минуту, которую указала ей сестра Кинан, сбросила одеяло, села на кровати, свесив ноги, и медленно перенесла на них часть веса. Ноги оказались на удивление крепкие, она встала, повернулась и сложила одеяло так, чтобы казалось, что под ним спит человек. Потом, двигаясь бесшумно, задернула все занавески вокруг кровати и снова осмотрела комнату в поисках того, что могло бы помочь ей в побеге. Но ничего подходящего в палате не было.

Сестра сказала ей, что все необходимое она найдет в рюкзаке снаружи. И Серене оставалось только поверить этому.

Выпрямляя спину, она подошла к окну, медленно потянула за шнур, чтобы поднять шторы, потом открыла засов и подняла раму. Окно открылось легко.

Облокотясь на подоконник, Серена посмотрела вниз. Действительно, здесь было невысоко. У нее не было обуви, из одежды – только больничный халат. Но если действовать быстро, подумала Серена, можно уйти незамеченной и успеть скрыться из вида. Она села на подоконник, свесила сначала одну, а затем другую ногу на улицу. Потом легла на живот, повернувшись лицом к окну, и повисла, уцепившись руками за раму. Затем закрыла глаза, сделала глубокий вдох и разжала руки, немного оттолкнувшись, чтобы не удариться о стену при приземлении.

Ее ноги коснулись земли почти мгновенно, менее чем через секунду. Колени подогнулись, она приземлилась, сдержав крик боли от удара о землю, и еще несколько секунд не двигалась, не веря в собственную удачу.

Возможно, здесь вовсе не было никакой страшной тайны. Если они лгали ей про ее ребенка, почему они не приняли более серьезных мер против ее возможного побега? Они должны были, по крайней мере, запереть окно.

Серена приземлилась на зеленую лужайку, от тротуара ее отделяла небольшая изгородь. Рядом никого не было видно. Она собрала все силы, поднялась на ноги и подошла к изгороди.

Она сразу заметила большой зеленый рюкзак, вытащила его из кустов и расстегнула молнию. Внутри были туфли, одежда и папка для бумаг. В карманах было что-то еще, но она знала, что ей нужно поскорее убираться из этого места.

Внезапно где-то рядом с резким звуком захлопнулась дверца машины, Серена вздрогнула, закрыла рюкзак и спряталась в тень.

Она заметила за углом нишу, которая с двух сторон была закрыта изгородью, а с третьей – стенами здания больницы. Это было хорошим укрытием, тем более что другого у нее не было. Она поспешила туда и увидела скамейки и столики с пепельницами. Должно быть, персонал проводил здесь обеденные перерывы в хорошую погоду.

Серена вытащила из рюкзака одежду, она должна была торопиться. Наверху лежали джинсы, под ними трусы и несколько макси-прокладок, которые она носила после родов. Она надела эту одежду, а затем спортивный бюстгальтер и футболку. Потом сунула ноги во вьетнамки, скомкала больничную одежду, засунула ее в рюкзак и застегнула молнию. Затем направилась к тротуару. С трудом подавляя желание перейти на бег, она быстрыми шагами вышла с территории больницы и скоро оставила ее далеко позади.

Серена шла по оживленной улице, мимо магазинов, ресторанов и супермаркетов, и никто не обращал на нее внимания.

Но это не надолго, подумала она. Рано или поздно в больнице обнаружат ее исчезновение. Возможно, это уже стало известно. Но что они предпримут?

Серена услышала звонок. Где-то близко звонил телефон.

С удивлением она поняла, что звук исходит из ее рюкзака, остановилась, сняла рюкзак, сунула в него руку и вынула мобильный телефон размером с кирпич. Серена вытащила антенну и приложила трубку к уху. Сердце ее забило от страха, глазами она искала в толпе звонившего.

– Тебе удалось сбежать?

Она узнал голос. Это была сестра, которая помогла ей.

– Да. Думаю, да.

– Где ты?

– Я... я не знаю. На улице. – Серена огляделась. – На углу Мейн-стрит и Эльм. Я стою перед ювелирным магазином.

– Хорошо. Слушай, через квартал от тебя есть автобусная остановка. На Мейн-стрит. Видишь ее?

Серена посмотрела в одну сторону, потом в другую и заметила скамейку под пластиковым козырьком.

– Да, вижу.

– Сейчас должен подойти автобус. Садись в него. Выйдешь на третьей остановке. Там я тебя подберу. Я буду в красном «фольксвагене».

– Я не... я не понимаю, что происходит. Мой ребенок жив? Почему мне сказали неправду? Почему я не могла просто сказать им, что хочу выписаться и уйти? Что...

– Серена, автобус может подойти в любую секунду. Не опоздай. В кармане, где ты нашла телефон, лежат деньги.

– Но...

– Твой ребенок жив. Теперь иди. Садись в автобус. Остальное я объясню, когда ты будешь в безопасности.

Связь прервалась. Но Серена услышала то, что хотела услышать.

– Мой ребенок жив, – прошептала она. На ее пересохших губах появилась улыбка. – Мой ребенок жив, – повторила она снова и пошла к огромному неповоротливому автобусу, медленно подъезжавшему к остановке.

Зашипел воздушный тормоз, и двери автобуса раскрылись. Девушка спрятала телефон во внутренний карман рюкзака и помедлила на верхних ступенях, чтобы достать деньги. В кармане рюкзака были купюры и мелочь. Она засунула несколько монет в приемное устройство, прошла в салон и опустилась на ближайшее свободное сиденье.

Как только автобус отошел от остановки, Серена почувствовала облегчение, и ей стало легче с каждым метром, который отдалял ее от больницы. Мысль о том, что ее ребенок жив, вызывала у Серены головокружение.

Она задумалась, что могло стоять за всем этим. Возможно, это была схема по похищению детей: ее ребенка хотели продать для усыновления какой-нибудь богатой паре и заработать на этом хорошие деньги. Доктор тоже участвовал в деле.

Но теперь ей удалось сбежать из больницы, и с каждой минутой она отдаляется от этого ужасного места. Она встретится с человеком, который сможет объяснить ей, что происходит. Она чувствует себя вполне нормально. И скоро заберет свою малышку обратно.

Автобус остановился. Серена прокрутила в голове последний телефонный разговор. Третья остановка. Она должна сойти на третьей остановке. То есть оставались еще две. Оставшееся время она использовала на то, чтобы внимательнее изучить содержимое рюкзака. В папке для бумаг лежали медицинские документы: время рождения ребенка, вес, рост, окружность головы, группа крови.

Группа крови была отмечена звездочкой. Она прочитала запись ниже: *Ребенок обладает очень редким антигеном Белладонны. Обязательно известить правительство.*

Серена нахмурилась, не зная, что это могло означать, и почувствовала, что кто-то на нее смотрит. Девушка подняла глаза и увидела, как мужчина, сидевший напротив, быстро отвел взгляд. Она закрыла папку и сунула обратно в рюкзак как раз в тот момент, когда автобус снова остановился. Мужчина вышел, больше не взглянув на нее.

Когда автобус тронулся, Серена тайком оглядела пассажиров, убедилась, что никто не обращает на нее внимания, и продолжила изучать содержимое рюкзака. На дне лежали ключи с биркой. На вставленной бумажке значился адрес: *Монтгомери-авеню, 72.*

Наконец, автобус остановился в третий раз. Серена застегнула молнию рюкзака, встала и закинула его на плечо, вышла на тротуар и огляделась. Автобус уехал, и она стала наблюдать за чистой пустынной улицей. И тут заметила машину. Красный «фольксваген», припаркованный на противоположной стороне улицы, недалеко от детской площадки. Это был автомобиль с откидным верхом, и Серена прекрасно могла рассмотреть женщину, которая сидела за рулем.

Это была медсестра Морин Кинан, уже не в униформе, а в обычной одежде. Она подняла руку и помахала Серене.

Серена с облегчением улыбнулась. Наконец она получит ответы на свои вопросы. Девушка посмотрела налево, направо и направилась через дорогу. Как только ее сандалии коснулись мостовой, маленькая красная машина взорвалась.

Глава 3

Настоящее время

В этом человеке, который стоял напротив меня в маленькой комнатке, было что-то необычное. Как только я увидела его, я почувствовала внутри волнение, дрожь и... *боль*.

Знала ли я его?

В его взгляде я прочла удивление, затем подозрение и, наконец, страх, хотя я не могла понять, почему он меня боится. Я никак не ожидала такой реакции. Я подумала, что он либо попытается убить меня, как тот, другой человек, или предложит мне свою помощь. Но страх? Я не могла найти ему объяснение.

Я оглядела его с ног до головы, чтобы попытаться извлечь хоть какое-то воспоминание, и почувствовала сильное желание – и что-то еще, – но не смогла понять почему.

Он был высокого роста, закатанные рукава обнажали волосатые руки, сильные и мускулистые. Мне захотелось дотронуться до них.

Странно, но я чувствовала, что он испытывал по отношению ко мне именно страх.

Я снова и снова внимательно рассматривала его, впиваясь в него взглядом, как будто хотела получить ответ на незаданный вопрос, и с каждой секундой чувствовала облегчение. Мое внимание привлекло его лицо. Оно было красивым: глаза цвета шоколада, и такие глубокие, как море, и мрачные, как грозовая туча. Так много было в этих глазах – беспокойство, безрассудство и в то же время бесстрашие. У этого человека были длинные блестящие черные волосы, завязанные сзади кожаным ремешком.

И снова вспышка памяти. Черные волосы, точь-в-точь как у него, под моими пальцами.

Его волосы? Был ли он тем человеком, которого я целовала в том единственном моем воспоминании? Но во всем мире, должно быть, были миллионы мужчин с такими волосами.

И все же именно к нему меня так непреодолимо влекло.

На мужчине была самая простая одежда. Брюки оливкового цвета со множеством карманов. Простая желто-коричневая рубашка. На руке часы с широким серебряным ремешком, под которым я заметила что-то голубое на его коже и стала всматриваться пристальнее.

И тут он убрал руку, так что я уже не могла ничего разглядеть. Но как только он сделал это, я повернула свою руку ладонью вверх и увидела метку на внутренней стороне запястья. Голубые линии, тонкие и потолще. Штриховой код. Может ли на его запястье быть такая же отметка?

– Скажи мне, что ты делаешь здесь, в моей конюшне? – спросил он.

Его вопрос заставил меня снова посмотреть ему в глаза.

– Я хочу есть, – ответила я. Мой голос звучал жалобно и слабо, как будто я была сиротой, которая просит крошку хлеба. От этого я почувствовала раздражение и добавила громче:

– Мне нужно убежище, место, где я могу отдохнуть и...

– И?..

– Я не знаю. Что-то... привело меня сюда. – Я не была уверена, что поступаю правильно, доверяя ему, но слова появлялись сами, без моего участия. – Когда я увидела это место издали, я поняла, что должна идти сюда. Я знала, что здесь буду... в безопасности. – Я моргнула, опустила глаза, не в силах больше выдерживать его взгляд, и прошептала:

– Правда?

– Я не представляю для тебя угрозу, если и ты не угрожаешь мне.

Я не заметила, как задержала дыхание и не дышала, пока не услышала этой последней фразы.

– Как я могу представлять для кого-то угрозу? Я уже сказала: я даже не знаю, кто я.

– Как такое возможно?

Я почувствовала, как к горлу подступают рыдания. Так глупо, один его вопрос, такой очевидный, заставил меня сразу же потерять контроль над собой. Вдруг я почувствовала, что не могу больше выносить этого. Я обхватила себя руками и опустила голову, стыдясь своих слез. Я показала ему свою слабость. Я интуитивно чувствовала, что меня нелегко было довести до такого состояния, и это злило меня. Но все же мне не доставало сил, чтобы взять себя в руки.

– Я не знаю. Не помню.

Он глубоко вдохнул и долго молча смотрел на меня, а затем, как будто приняв решение, быстро снял рубашку и протянул ее мне.

Моя рука дрожала, когда я взяла ее, и я даже не посмотрела на него.

– Спасибо.

– Не за что, Лилит.

Я уже надевала рубашку и, как только услышала это имя, сразу же почувствовала сигнал в мозгу. Я непроизвольно подняла голову, все мое тело напряглось, глаза сузились. Я будто пыталась разглядеть его душу.

– Как ты назвал меня?

На его лице я прочла, что он пожалел, что назвал меня так. Он быстро отвел взгляд, прислонил вилы к стене и стал нервно поправлять сбрую, висевшую на стене.

– Я ведь должен был назвать тебя как-нибудь. И это имя показалось мне вполне подходящим.

Я надела рубашку и застегнула пуговицы. Потом вытащила волосы из воротника. Его рубашка едва закрывала мне бедра и была чуть длиннее, чем мои волосы.

– Ты сказала, что тебя влекло к этому дому. Ты помнишь, что было раньше?

Я кивнула, заставляя его думать, что я забыла о своем имени. Имя показалось мне... знакомым.

– Я помню... совсем немного. И я могла бы рассказать тебе об этом. И у меня нет причин скрывать это от тебя. Но я устала и *ужасно* голодна.

– Хорошо. – Он кивнул дважды и снова повторил: – Хорошо. Пойдем в дом. Я дам тебе что-нибудь выпить. – Сказав это, он взял меня под руку и повел за собой.

– Мне нужно поесть, я не хочу пить, – сказала я. Мой живот заурчал. – Мне нужно мясо. Гамбургер, или стейк, или...

Он остановился и посмотрел мне в глаза:

– Ты сказала, что не знаешь, кто ты. А ты понимаешь... *что* ты такое?

Я нахмурилась, искренне не понимая, о чем он говорит:

– Я женщина... Я потеряла память... Я... – Я не могла ничего больше придумать, а по взгляду его карих бархатных глаз поняла, что не сказала того, что он хотел услышать. – В чем дело? – спросила я тихо. – Что я?

Уже тогда я начинала что-то понимать. Я бегала быстрее оленя. Я видела на мили вперед. Я слышала то, чего не слышали обычные люди, а нюх у меня был не хуже, чем у гончей. По моему телу пробежала дрожь, я опустила голову, посмотрела на отметку на запястье и почувствовала, как к горлу подступают слезы. Колени подкосились.

– Что я? – прошептала я еле слышно.

Его сильные руки подхватили меня как раз вовремя, иначе я бы упала.

– Я так слаба.

– Извини, я мог бы догадаться. Пойдем, Лилит, обопрись на меня.

Он поднял меня, как ребенка, я поддалась слабости и опустила голову ему на плечо. Закрыла глаза и тихо сказала:

– Ведь я даже не знаю, как тебя зовут.

– Этан, – ответил он. При звуке его имени я снова почувствовала беспокойство, будто это имя напоминало мне о чем-то, но о чем – я не знала.

– Этан, – повторила я. – Спасибо, Этан.

– Возможно, потом ты возьмешь свои слова благодарности обратно.

Я не могла понять его и привстала на носки, чтобы рассмотреть его лицо, но он смотрел прямо перед собой. Этан вынес меня из амбара в темноту ночи и пошел по узкой извилистой тропинке по направлению к дому. Скоро мы очутились внутри. Как только он закрыл дверь, я почувствовала, как меня обволакивают тепло и покой. Я почувствовала запах горящих поленьев и обернулась, чтобы посмотреть на камин, но мы стояли в холле. Он стянул ботинки, не отпуская меня, и мы прошли в скромно обставленную гостиную. В ней было очень уютно. Мебель, которой она была обставлена, напоминала семью плюшевых медвежат, которым не хватало только глазок, – вся она была мягкая, коричневого цвета, плюшевая. Мебель украшали зеленые, желтые и красные подушки, разбросанные тут и там, словно осенние листья. В комнате был каменный камин, в котором танцевало пламя. Я почувствовала, как мое лицо разгорелось от жара и огня. Над дубовой каминной полкой висела картина, сразу привлекавшая мое внимание. Я смотрела на нее, не в силах отвести взгляд.

Это был портрет обнаженной женщины с рыжими волосами, которые укрывали ее тело. Вокруг нее обвивалась гигантская змея, но женщина ее ничуть не боялась, наоборот, казалось, она любит ее. Ее тело было не таким, как у меня, и я не могла понять, похоже ли ее лицо на мое. Под изображением значились название картины «Лилит» и имя художника – Джон Уотерхауз.

– Это из-за волос? – спросила я.

– О чем ты? – Этан опустил меня на плюшевый диван. Потом открыл старинный сундук, который служил столиком, и вытащил из него одеяло.

– На картине, – сказала я и показала на картину. – Ты назвал меня ее именем, потому что наши волосы похожи?

– Отчасти. – Он укрыл меня одеялом и повернулся, задумчиво глядя на картину. – С Лилит связана целая история. В легенде говорится, что она была первой женщиной, которую создал Бог вместе с Адамом. Она была равной ему во всем. Она отказалась подчиняться ему, а он оказался не в силах приручить ее. Адам не мог приказывать ей или распоряжаться ею. Лилит покинула его, а Богу пришлось сотворить ему новую спутницу, на этот раз из ребра Адама, чтобы она всегда знала свое место.

– И это была Ева?

– По крайней мере, так говорится в истории. И даже тогда вся вина пала на бедную, послушную Еву. Ее послушание не принесло ей пользы. – Он посмотрел на меня.

Я нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

– Зачем ты рассказываешь мне все это?

– Потому что чувствую, что ты намного больше похожа на Лилит, чем на Еву. У тебя ее неукротимый нрав.

– Именно сейчас я не чувствую себя такой уж неукротимой.

– Но ты такая, поверь мне.

– Откуда ты можешь знать? – Я пыталась по его глазам понять, о чем он думает. – Ты знаешь меня, Этан?

Он резко опустил голову.

– Откуда же мне знать тебя? – Сказав это, он пересек комнату и вышел.

Я положила голову на красную подушку, прислушиваясь, как он ищет что-то в соседней комнате. Когда он вернулся, в его руках была большая глиняная кружка. Он протянул ее мне. Кружка была горячей.

Я улыбнулась, думая о горячем шоколаде, и немедленно сделала большой глоток. Но сразу же поняла, что это был не шоколад. Но это было именно то, в чем нуждалось мое тело. Напиток был густым, с солоноватым вкусом, немного напоминавшим серу. Этот странный вкус доставлял мне огромное удовольствие.

Этан наблюдал за мной, пока я не выпила все до последней капли. Я опустила кружку и вытерла губы тыльной стороной руки. Рука стала красной.

– Что это было?

– Просто мой любимый напиток. Назовем его – протеиновый шейк.

– *Что* я только что *выпила*, Этан?

– Закрой глаза и расслабься, Лилит. Я должен кое-что тебе рассказать, и тебе понадобится вся твоя внутренняя сила, о которой ты и не подозреваешь.

Я не могла закрыть глаза или расслабиться. Вместо этого я села, поставила ноги на пол и обернула одеяло вокруг себя, как плащ, наблюдая, как Этан сделал два шага, отдаляясь от меня.

– Ты сказала, что расскажешь мне все, что ты помнишь, – сказал он.

– Надеюсь, ты понимаешь, что для целого вечера моего рассказа будет маловато. – Моя попытка пошутить явно оказалась неудачной. Меня начинало раздражать, что он ходит по комнате, и я подняла голову.

К моему удивлению, он остановился – как раз тогда, когда я об этом подумала. Этан посмотрел мне в глаза, подошел к мягкому креслу и сел в него. Я собралась с мыслями и попыталась вспомнить как можно больше.

– Я пришла в себя под мостом, на склоне холма. Шел дождь. Я не знала, кто я и что там делаю. И не знаю этого до сих пор. Я увидела подъезжавшую ко мне машину. Я не повиновалась своему инстинкту бежать и осталась на месте, надеясь, что она остановится и мне помогут. Машина действительно остановилась. Окно приоткрылось, оттуда высунулось дуло пистолета, и мне приказали садиться в машину.

С каждым моим словом выражение его лица становилось все напряженнее и беспокойнее.

– Мужской голос? Или женский? – спросил он.

– Мужской.

– Ты узнаешь его, если услышишь еще раз?

Я подняла взгляд на Этана:

– Не знаю. Возможно.

– А что это была за машина? Ты запомнила ее?

Я слотнула, закрыла глаза и попыталась вспомнить.

– Это был большой черный внедорожник. Стекла были затемнены, я не видела, кто находился внутри. Но я точно знаю, что это был «кадиллак», черный «кадиллак-эскалада».

– Очень хорошо.

Я невольно улыбнулась этой похвале и открыла глаза. Он все еще выглядел обеспокоенным.

– Ты должна расслабиться, закрыть глаза и вспомнить тот момент, когда ты проснулась под мостом.

Я откинулась на диван и снова закрыла глаза.

– Да, я помню, как проснулась.

– Ты помнишь, что ты спала?

Я напряглась:

– Я была измучена. Я бежала, бежала и бежала. Почти наступил рассвет, и я решила, что мне нужно найти место, где можно укрыться. – Я нахмурилась. – Как странно.

– Ничего странного, – сказал он. – Ты помнишь, что было до того, как ты стала бежать? Помнишь, от чего ты бежала?

Моя голова склонилась набок, а воображение заполонили неясные образы, которые никак не прояснили ситуацию.

– Я помню высокий забор. Помню, как я подумала: «Не прикасайся». И помню, как я перепрыгнула этот забор. – Я слабо улыбнулась и покачала головой. – Наверное, это был просто сон.

– Возможно. Продолжай. Ты помнишь, что было до этого?

Еще один мимолетный проблеск памяти.

– Белую комнату. Как будто я в больнице. И я... У меня в руке лезвие. Я... – Я резко открыла глаза от шока, который я испытала от того, что я увидела. Лезвие. Моя плоть. Струя крови. – Я порезала себе запястье! – Сказав это, я осмотрела руки в поисках шрамов. – Я была в какой-то... психиатрической клинике! Я пыталась убить себя. А потом я сбежала. – Я посмотрела Этану в глаза. – Я сумасшедшая, и я сбежала из больницы, Этан. А где же шрамы? У меня на руках должны быть шрамы, где...

– Ты не сбежала из больницы. И ты не пыталась убить себя, Лилит.

– Нет? – Я покачала головой, все еще разглядывая запястья в поисках шрамов. – Но... зачем тогда я сделала это? И почему на руке нет никаких следов? – Снова глядя на него, я произнесла: – Я не обычный человек, Этан?

– Нет. Ты... такая же, как я.

– Нет, я не такая, как ты. Я не похожа ни на кого. Я могу обогнать оленя. Я сделала это, когда спасалась от машины. Я вижу в темноте и на большие расстояния. Иногда мне кажется, что я слышу, как растет трава. Seriously. Иногда я слышу вещи, которые... невозможно услышать.

– Как мысли? – спросил он.

Я кивнула и прищурилась:

– Откуда ты знаешь?

– Потому что мы с тобой похожи, Лилит. Мы... не совсем люди. – Он подошел ко мне, сел рядом на диван и взял мои руки в свои. – Ты еще многого о себе не знаешь. У тебя пока не было возможности обнаружить все свои способности. То, что я скажу, будет непросто понять, но ты должна выслушать меня и отнестись к этому с пониманием.

– Хорошо.

Он кивнул, облизнул губы и крепче сжал мои руки.

– Мы не... мы не стареем, Лилит.

Это утверждение вызвало во мне неодобрение, и я пыталась осознать, что это значит. Такая простая фраза. Мы не стареем. И все же она не могла значить только то, что, казалось, значит с первого взгляда.

– Мы умираем только от большой потери крови или от огня. Наши тела легко воспламеняются. Открытый огонь опасен для нас. Солнце также несет нам смерть.

– *Солнце?* – Я невольно выпрямилась, освобождаясь от его рук. Одеяло упало с моих плеч. – Это невозможно.

– Любые ранения, которые мы получаем, излечиваются в течение дня, то есть когда мы спим. Но это происходит не по нашему желанию. Мы просто теряем сознание, когда восходит солнце. Мы должны спать в месте, защищенном от солнечных лучей.

Я с шумом выдохнула воздух, когда вдруг поняла, что он шутит. Было не очень смешно, но, возможно, у него просто необычное чувство юмора. Я покачала головой и усмехнулась.

– А сейчас ты мне скажешь, что мы питаемся человеческой кро... – Я не смогла закончить, мои глаза невольно устремились к пустой глиняной кружке на столе. И я поняла. *Поняла.* Мне стало неприятно, и я поднесла руку ко рту.

– Это нормально, – сказал он. – Твой организм принимает ее. Твое сознание не принимает этого, Лилит, но твоя смертная жизнь кончилась. Это произошло в ту ночь, когда ты порезала себе вены и потеряла много крови, прежде чем принять кровь одного из нас. Чтобы трансформироваться.

– Это безумие. Где я могла достать... кровь одного из вас?

– В специальной лаборатории – не от живого существа, в противном случае тебе не пришлось бы резать себе вены или отправляться в бега одной.

Конечно, это всего лишь догадки. Как у тебя это получилось, я не знаю. Но я знаю, кто ты сейчас, Лилит. Теперь мысль о человеческой крови не вызывает у тебя отвращения. Наоборот, ты чувствуешь желание, предвкушаешь удовольствие. Ты нуждаешься в ней. Ты вампир, Лилит. Как и я.

Вампир. Это безумие. Это невозможно.

Сказав это, он вытащил что-то из кармана и протянул мне. Это было маленькое круглое зеркальце на цепочке. Должно быть, он взял его на кухне, когда наливал мне... этот напиток.

Я не сдвигалась с места.

– Возьми. Ты не поверишь мне, пока сама не увидишь доказательство. Посмотри в зеркало, Лилит. И ты не увидишь своего отражения. И пощупай свои клыки. Или просто посмотри на мои.

Он показал свои зубы, и я отпрянула от него. Затем невольно провела языком по зубам. Верхние клыки были немного удлиненными и заостренными, словно бритвы. Я встала и протянула дрожащую руку к зеркалу.

Я взяла его, держа на расстоянии, чтобы убедиться, что оно отражает все окружающие предметы. Диванные подушки, танцующее пламя в камине, картину с Лилит над каминной полкой. Я видела все эти предметы в зеркале. Не дыша, я медленно поднесла зеркало к своему лицу и не увидела себя в нем. В нем отражалась только стена, которая была позади меня, но не я. Я подняла палец и провела им перед зеркалом. Но ничего не изменилось.

Мои руки онемели, зеркало выскользнуло из них, упало на пол и разбилось.

Глава 4

Этан внимательно наблюдал, как менялось прекрасное лицо Лилит, когда он, капля за каплей, открывал ей правду. Сначала на нем выразилось замешательство, которое быстро сменилось изумлением, а затем ужасом, когда она наконец поняла, о чем он пытался сказать ей.

Осколки лежали на полу, а Лилит без сил опустилась на диван.

– Лилит... – начал Этан, опустившись перед ней на колени.

– Я знала, – прошептала она. – Какая-то часть меня знала это. Когда ты сказал, я сразу поняла. – Потом она подняла на него глаза. – Откуда ты знал? Ты знаешь меня, Этан?

Он отвел взгляд.

– Вампиры чувствуют других вампиров. Я знал, кто ты, еще до того, как обнаружил тебя в амбаре. Но я не знал, пришла ли ты затем, чтобы убить меня.

– Почему ты повторяешь это? – спросила она.

Этан снова сел на стул, опустил голову и потер шею, борясь со своей совестью. Как много может он ей рассказать? Ведь она угадала: он действительно *знал* ее. Хотя они практически никогда не общались на Ферме, он знал ее. Он внимательно наблюдал за ней, изучая ее характер. Ее реакция, когда она вспомнит о своем прошлом, будет столь же предсказуемой, как жажда крови или отвращение к солнечному свету.

Она вернется. Он был уверен, что она так поступит.

– Мне нужно это знать, – тихо сказала Лилит. – Если одни вампиры выслеживают и убивают других, я должна знать об этом. Ты так не думаешь?

– Пока ты остаешься здесь, ты будешь в безопасности. – Он поднял голову и пристально посмотрел на нее. – Если ты не лжешь мне.

– Я рассказала тебе все, что случилось с того момента, как я проснулась под мостом. Мне кажется, будто я заново родилась в тот момент.

Он склонил голову и провел рукой по подбородку.

– Возможно, именно так и было.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне кажется, Лилит, что ты превратилась в вампира прямо перед этим... сном. Возможно, что ты впервые проснулась вампиром именно тогда.

– Вампиры забывают все, что было раньше?

Он пожал плечами:

– Я не забыл. Хотя никогда... не знал других вампиров.

Лилит вздрогнула, когда он сказал это, ее голова склонилась вправо, и она закрыла глаза.

– Что? Что такое?

Она сжала переносицу большим и указательным пальцами.

– Я не знаю. Вспышка.

– Воспоминание?

Лилит открыла глаза и пристально посмотрела на Этана:

– Я видела человека. По крайней мере, мне показалось, что это был человек, хотя он был больше похож на разлагающийся труп. Он был закован в цепи, и я чувствовала его агонию. И все.

Этан посмотрел на нее изучающе, представляя себе, какие ужасы она могла видеть на Ферме, о которых он не имел и понятия.

– Ты знаешь, что это может значить? – спросила она.

Этан медленно покачал головой:

– Нет, я не знаю.

– Что ты знаешь о таких, как мы?

Что он мог ответить на это? Он знал только об Избранных – пленниках, таких как они с братом, выросших на Ферме. Все, что он знал о вампирах, рассказывали ему охранники, а он никогда не доверял им. Но воспоминания Лилит заставили его задуматься. Если амнезия была распространена среди новообращенных вампиров, было не так удивительно, почему он больше ничего не слышал о Джеймсе. Возможно, его брат просто не помнил его.

– Но в таком случае зачем все эти знания и тренировки, если мы в итоге все забудем? – пробормотал он.

– О чем ты говоришь?

Он резко посмотрел на нее, поняв, что углубился в свои мысли.

– Ничего... – сказал он. – Просто мысли вслух.

– О! – Она снова напряглась. – Это было не единственное воспоминание из прошлого.

Этан снова посмотрел на Лилит, пытаясь не выдать того, что ее видение несколько его озадачило. Нет, он не хотел, чтобы она потеряла память полностью, но ему нужно было немного времени, чтобы собраться с мыслями.

– Я... помню поцелуй – мужчины. – Она моргнула, но не отвела от него взгляд. – Мне кажется, это был ты.

– Но мы встретились только час назад, – возразил он.

– Это правда?

Прочистив горло, он встал, видно было, что он нервничает.

– Мне нужно вернуться в конюшню. Я как раз собирался позаботиться о лошадях, когда нашел тебя.

Лилит кивнула, потом повернулась к нему спиной, подошла к камину и встала, опершись одной рукой на каминную полку.

– Ты можешь пойти со мной, если хочешь.

Не шевельнувшись, она ответила:

– Я хотела бы остаться, если ты не будешь против. Мне нужно многое... осознать, о многом подумать.

– Хорошо. – Этан сделал несколько шагов к двери, потом остановился, потому что не успел рассказать и половину того, что хотел. – Лилит, та машина, которую ты видела, «эскалада». Ты уверена, что она не последовала за тобой сюда?

– Я уверена.

Только два слова. Он надеялся, что она говорит правду.

– Если я тебе понадоблюсь... – начал он.

– Я открою дверь и крикну тебе.

Не обязательно. Ты можешь... просто позвать меня мысленно. Я услышу тебя.

Лилит медленно подняла голову и повернулась к нему, лицо ее выражало удивление.

– Услышишь?

Теперь, глядя на него, она смогла убедиться, что он не произнес вслух ни слова.

В этом одно из преимуществ... таких, как мы, Лилит.

Этан говорил с ней ясно и четко, не произнося ни слова, и она смотрела на него с интересом.

Одно из многих преимуществ, – добавил он. – Быть бессмертным не так уж и плохо.

Он внимательно наблюдал за ней. Лилит закрыла глаза, и он слышал ее мысли.

Но мы на самом деле не бессмертны, правда?

Он улыбнулся.

– Это зависит от того, что ты подразумеваешь под этим словом, – сказал он вслух. – Аккуратнее с огнем.

Лилит улыбнулась, очевидно довольная тем, что он услышал ее вопрос и ответил ей. Она могла разговаривать с ним, просто передавая свои мысли. Этану даже показалось на секунду, что он увидел в ее глазах прежний огонь.

– Спасибо, что помог мне, Этан.

– Я сам очень рад этому, – сказал он. И это было правдой.

Все же Лилит была единственной, кого он с сожалением оставил на Ферме, когда покидал ее. Он постоянно думал о ней и просто не мог не купить гравюру Уотерхауза, когда увидел ее. Эта картина напоминала ему о ней. Тогда Лилит было всего девятнадцать, и о ней уже тогда ходили самые разные слухи. Все знали, кто она.

Лилит была единственной, кого им не удалось сломить. Она предпочла бы смерть подчинению.

Она была голосом его совести, когда он закрывал глаза и оставался один на один с собой. Ее лицо он видел, когда закрывал глаза, ее имя слышал в шуме ветра.

Ее поцелуй был единственным, который он так никогда и не смог забыть. Он назвал ее Лилит не потому, что она напоминала ему женщину на картине. Он купил картину, потому что она напомнила ему о ней.

Она была настоящей Лилит.

И она нашла его.

И она расскажет ему, как ей это удалось.

21 год назад

Такси высадило Серену перед небольшим домом в явно не престижном районе и уехало. Она никогда раньше не чувствовала себя такой одинокой.

Конечно, одиночество не было для нее новым чувством. Серена всегда была одна. Она осиротела в девятнадцать лет и с тех пор сама себя обеспечивала, подрабатывая официанткой, жила в маленькой съемной квартире в дешевом районе. Однажды она провела ночь с незнакомцем и узнала, что беременна. Они познакомились в баре, у нее было плохое настроение, и ей не хотелось возвращаться домой одной. Она даже не знала его имени.

Зато последние девять месяцев нельзя было назвать одинокими. У нее внутри росла маленькая дочка. Серена разговаривала с ней, смеялась с ней, пела песни и читала ей сказки. Когда подошел срок, она родила девочку – и кто-то украл ее у Серены.

Это было несправедливо.

В какой-то момент она захотела вернуться в свою квартиру. Продолжить работать. Вернуться к прежней жизни. Но единственного человека, который хотел ей помочь, взорвали у нее на глазах.

Серена была напугана. Страх доминировал над всеми эмоциями. Когда Серена легла в больницу, она предоставила всю информацию о себе – имя, адрес, место работы, номер страховки. Поэтому теперь она не сможет вернуться домой. По крайней мере, пока не выяснит, что происходит. Это было бы небезопасно.

Теперь, стоя перед невзрачным домом, она спрашивала себя: мог ли он быть домом сестры Морин Кинан? В руке у нее был ключ на цепочке, который она нашла в рюкзаке. Если это действительно дом Морин и если ее убили из-за того, что она пыталась помочь Серене, тогда он мог вполне находиться под наблюдением этих убийц. Что, если они уже сейчас наблюдают за ней?

Серена повернулась и огляделась вокруг. Везде были столь же невзрачные домики, как и тот, перед которым она стояла. По сторонам идеально заасфальтированной дороги росли с одинаковыми интервалами небольшие клены. Перед домами проходил аккуратно подметенный тротуар.

На нескольких подъездных дорожках стояли машины. Людей вокруг не было. В некоторых дворах виднелись качели и карусели. Квартал выглядел очень уютным, приветливым и безопасным. Из окон тоже никто не выглядывал, все было тихо.

Затаив дыхание, Серена прошла по дорожке к дому, постучала в дверь, но ответа не последовало. Тогда дрожащими руками она вставила ключ в замочную скважину, повернула его и открыла дверь.

В доме было темно, но не было пусто. Она не знала, почему никто не открыл дверь, хотя явственно чувствовала, что в доме кто-то есть. Кроме того, она ощутила ароматы пищи. Это был запах чего-то горячего и аппетитного, и в ее животе заурчало.

Серена очутилась в темной комнате, в дверном проеме соседнего помещения горел свет и был виден силуэт женщины.

– Серена? – спросил тихий женский голос, и Серене показалось, что женщина все знает.

– Да.

– А где Морин?

Серена опять почувствовала, что женщина, лица которой она не видела, уже знала ответ.

– Я... вышла на остановке, как она мне сказала. И она ждала меня там, в машине. Она помахала мне... – Серена говорила все быстрее. – Я стала переходить улицу, и тогда ее машина... она... взорвалась. И все. Я даже не успела...

Серена не смогла продолжить рассказ и запрокинула голову вверх, чтобы не расплакаться, хотя слезы были уже близко.

Девушка услышала шаги женщины, почувствовала ее руку на своем плече, опустила голову и увидела ее добрые глаза, наполненные слезами. У женщины были привлекательное лицо, полные дрожащие губы и высокие скулы, кожа ее казалась бледной в этом недостаточном освещении.

– Мне так жаль, – сказала Серена, всхлипывая. – Она была вашей подругой?

– Она была больше чем другом. Она была моей сестрой. Не по крови, но... черт, скоро вы сами все поймете.

– Почему ее убили? – Сердце Серены сжалось. – Из-за того, что она пыталась помочь мне?

– Морин знала, на что идет, Серена. – Незнакомка сжала плечо Серены. Женщина произнесла эти слова спокойно и отчетливо, как будто они были очень важны. – Это... эта ситуация касается не только вас или вашего ребенка. Вы не виноваты в том, что случилось с Морин. Если бы она знала, что ей грозит, она поступила бы так же.

Серена склонила голову, и из глаз ее полились слезы.

– Я запуталась. Я не понимаю, что происходит. Где мой ребенок? Зачем кому-то отнимать его у меня? Зачем убивать ни в чем не повинную медицинскую сестру?

– Я понимаю, как вам сейчас сложно. Но обещаю вам, что обязательно все вам объясню. Только... не здесь.

– Мы должны уходить? – Серена почувствовала в собственном голосе плаксивые нотки, но ничего не могла с этим поделать. – Я так устала.

– Я знаю. Я приготовила вам куриный бульон и сэндвич, чтобы съесть его по дороге. Этот дом безопасен, но мы не можем рисковать – за вами могли следить. Моя машина стоит в гараже. Пойдемте.

Женщина взяла Серену за руку и повела ее в кухню, где взяла термос и сумку на молнии с сэндвичем.

– Возьмите в холодильнике что-нибудь выпить, и мы уходим, – сказала она.

Серена открыла холодильник, который был полностью забит продуктами, и взяла две бутылки диетической колы. Женщина тем временем открыла дверь, за которой виднелась голубая малолитражка.

– Пойдемте.

– Нет. – Серена стояла не двигаясь, собрав все свое мужество в кулак. – Сначала расскажите мне, что происходит.

Женщина кивнула.

– Что вы хотите знать?

Серена нахмурилась, ее мысли смешались.

– Все. Куда мы едем? Кто нас преследует? Где мой ребенок? Черт... как вас зовут? Расскажите мне.

Лицо женщины смягчилось. Ей около тридцати, подумала Серена. Женщина была брюнеткой, шелковистые волосы собраны в хвост. Идеальная форма бровей, карие глаза, кожа словно свежий персик, ни следа косметики.

– Терри. Меня зовут Терри. Я состою в... думаю, это можно назвать секретным обществом. Сестры Афины. Мы только... наблюдаем, но почти никогда не вмешиваемся. Но когда что-то идет не так, мы приводим все в порядок. Морин была одной из нас.

– Вы... наблюдаете?

– Да.

– Наблюдаете за чем? – спросила Серена.

Губы Терри сжались, будто она тщательно подбирала подходящие слова.

– Ваш ребенок был особенным, Серена. Девочка родилась с очень редким антигеном в крови.

Серена вспомнила медицинскую карту, которую нашла в своем рюкзаке. Там было что-то написано об антигене.

– Белладонна, – сказала она, произнося впервые это слово вслух.

– Да. Белладонна. Люди с антигеном Белладонны обладают... необычными качествами. Это сложно, но я расскажу вам все, когда у нас будет больше времени и мы будем в безопасности. Но сейчас я должна сказать вам, что младенцы и дети с этим антигеном стали пропадать в последние пять лет. В большинстве случаев их родителей находили убитыми.

Серена почувствовала, как ее глаза расширяются от ужаса, а сердце замирает.

– Убитыми?

Терри кивнула:

– Чаще всего это выглядит как несчастный случай. Автокатастрофа, крушение самолета, отравление угарным газом, пожар в доме, падение со скалы. Но такие случаи происходили слишком часто. Поэтому мы проникли в разные учреждения – больницы, клиники, общества по защите детей – и стали наблюдать. Когда кто-то упоминает об этом антигене, мы стараемся спасти мать и дитя, пока не поздно. Морин хотела спасти вас, пока они не устроили какой-нибудь несчастный случай.

Серена внимательно наблюдала за лицом Терри, пока та говорила. Ее слова казались фантастическими, но она верила ей. Как могла Серена сомневаться?

– Так куда вы меня везете?

Терри положила руку Серене на плечо:

– Туда, где вы будете в безопасности.

– Это далеко? Я не могу ехать далеко, я должна найти своего ребенка.

Терри опустила глаза, теперь ее голос стал тише и мягче.

– Если ты останешься с нами, Серена, мы поможем тебе отыскать твоего ребенка. У нас есть средства, связи и намного больше шансов найти твоего ребенка, чем у тебя. Но ты должна будешь отречься от всего, что знала раньше. Если ты присоединишься к Сестрам, ты должна будешь оставить прежнюю жизнь и родиться заново. У тебя будет новая семья, новая жизнь. Ты навсегда простишься со своим прошлым.

Серена размышляла всего несколько секунд.

– Вы нашли других детей, которые были украдены?

– Нет. Еще нет. Но с каждой минутой мы все ближе к их обнаружению.

– О... – Серена чуть не задохнулась от разочарования. – Тогда... я не знаю.

– Тебе не нужно принимать решение прямо сейчас. Ты можешь провести с нами несколько дней, чтобы понять, чем и как мы занимаемся. Если ты захочешь уйти, ты сможешь беспрепятственно это сделать. Но ты должна понимать, что, оставаясь здесь, ты подвергаешь себя опасности. А сейчас мы должны идти.

Серена кивнула:

– Хорошо.

Она последовала за Терри. Та завела машину, открыла ворота и выехала, предварительно проверив зеркала заднего вида.

– Советую подкрепиться, – сказала она Серене через некоторое время. – Тебе понадобятся силы, и это немного успокоит тебя. – Она кивнула на сумку с сэндвичем и термос.

Серена открутила крышку термоса, налила в нее горячего куриного бульона и стала пить его небольшими глотками. Это успокоило ее нервы, и даже сердце, казалось, стало меньше болеть. Тогда она налила себе еще и тоже выпила.

С каждым глотком ее беспокойство уменьшалось. Она завинтила крышку термоса и расслабилась на мягком сиденье. Веки стали тяжелыми, Серена закрыла глаза, но снова открыла их, борясь с накатывающей на нее волной сна.

Хмурясь, она повернулась в сторону Терри:

– Суп... в нем что-то было?

– Да. Но ничего вредного. Мы едем к Сестрам, а никому из посторонних не позволено знать, где находится штаб-квартира. Ни при каких обстоятельствах. Сейчас ты будешь спать. Тебе это необходимо, Серена. А когда проснешься, окажешься в прекрасном и безопасном месте, в окружении женщин, которые готовы отдать жизнь друг за друга и за твоего ребенка.

Это невозможно, подумала Серена. Никто не будет жертвовать собой ради человека, которого совсем не знает. Или она ошибается?

Она перестала сопротивляться сну и, пока не заснула, молилась о том, чтобы она действительно встретила таких людей.

Глава 5

Когда Этан ушел, я поспешила к входной двери, чтобы проследить за ним. Мне хотелось убедиться в том, что он действительно ушел, а не притаился где-нибудь, чтобы проследить за мной и заставить меня врасплох. Он удалялся от дома по извивающейся дорожке, которая вела к конюшне.

Я опустила тяжелую занавеску и повернулась, оглядывая комнату своим не совсем человеческим зрением. Этан лгал мне. Я не знала, как это поняла, но была в этом уверена. И я также не могла сказать, в чем конкретно он обманул меня.

Этот мужчина был мне знаком. Несмотря на мою амнезию, я была уверена в этом. Это было не воспоминание, а какое-то особое чувство.

Мои чувства более острые, чем у обычных людей. Я могла говорить, не произнося ни слова, и ощущать присутствие другого человека, не видя и не слыша его. Я чувствовала приближение опасности. Я могла отличить присутствие обычного человека от присутствия подобного мне – вампира.

При таком количестве ощущений, медленно укладывавшихся у меня в голове, я не могла игнорировать то чувство, которое подсказывало мне, что я знаю Этана.

Я не просто чувствовала, что он мне знаком. Я испытывала острое желание с того самого момента, как его увидела. Желание быть ближе. Прикоснуться к нему. Очутиться в его объятиях, почувствовать его губы... Нет, мне нельзя думать об этом. Он лгал мне. Он о чем-то сознательно умалчивал. И если даже мне придется перерывать весь его дом, я узнаю о чем.

Я оглядела гостиную, куда Этан привел меня, и прошептала: «Всегда нужно начинать сначала». Я смутно помнила, что кто-то часто повторял эту фразу, и я всегда думала, что это очень мудро.

Женищина. Добрая женищина. Смертная.

На долю секунды в моей памяти всплыли светло-коричневые волосы, завитые внутрь чуть ниже ушей, и блестящие искрящиеся голубые глаза, которые всегда казались такими необычными по сравнению с тусклыми глазами других людей.

Там были и другие люди?

Я не могла ответить на этот вопрос, но в моей памяти я увидела, как двигаются губы женщины и она произносит: «Всегда лучше начинать с самого начала».

Каллиста.

Ее имя всплыло на поверхность моей памяти. Ее звали Каллиста, и она не была похожа на остальных.

На этом мои воспоминания кончились. Хотя я мысленно цеплялась за их обрывки, они быстро растаяли, и я словно пыталась поймать руками туман. Но даже от этой единственной крупинки знакомого в этом враждебном мире я почувствовала себя лучше.

Это вселило в меня надежду.

Моя память пропала не навсегда. Она возвращалась, хотя и небольшими фрагментами. Поэтому я стала осматривать жилище Этана, надеясь найти подсказку из моего прошлого, которая поможет мне вспомнить, кто я или кем была. Но в душу ко мне вдруг закралось сомнение, я подошла к окну, отдернула занавеску и стала смотреть в сторону конюшни. Что, если он не вернется? Что, если он бросил меня?

Как и раньше.

Я нахмурилась, когда эта странная мысль неожиданно пришла мне в голову. Я уже не сомневалась в том, что мы были знакомы. Нас что-то связывало. Боже, почему я не могла этого вспомнить?

21 год назад

Серена проснулась и обнаружила, что лежит на кушетке в просторной комнате, которая, видимо, была частью особняка. Она открыла глаза, прижала руку к голове и медленно села. Серена увидела женщин, стоявших поодаль от нее маленькими группками и переговаривавшихся шепотом. В руках у многих были фарфоровые чашки. Терри тоже была здесь. Одна из женщин заметила, что Серена встала, подошла к ней и сказала:

– Здравствуй, Серена.

Она поставила свою чашку на столик и села рядом. Женщина была очень красивой, на вид казалось, что ей было около тридцати, хотя ее лицо было из тех, по которым точно нельзя определить возраст человека. Все женщины здесь выглядели так. Их глаза светились жизненной мудростью, которая плохо сочеталась с их стройными фигурами и молодыми лицами.

Женщина указала рукой на чайный сервиз, стоявший на столе в дальнем углу комнаты, и другая женщина налила Серене чашку чая.

– Меня зовут Джинджер. Я здесь главная. Мне очень жаль, что ваш ребенок пропал.

Серена кивнула и попыталась что-то ответить, но слова застряли у нее в горле. Джинджер протянула ей чашку чая со сливками. Серена взяла чашку и сделала глоток. Чай был горячим и сладким.

– Я не знала, любите ли вы больше с сахаром или сливками, но решила, что после всего, что вы пережили, они не помешают.

Серена сделала еще глоток.

– Спасибо, – сказала она. – Мне очень жаль вашу... Морин.

– Морин ничуть не жалела бы о произошедшем. Единственное, о чем она могла бы жалеть, – что не нашла бомбу перед тем, как она взорвалась. Я не сомневаюсь в этом. Эта работа была делом ее жизни.

Серена оглядела комнату.

– Эта работа... Какая?.. – Она облизнула губы и продолжила: – Вы знаете, кто забрал моего ребенка? И почему? – И потом, хмурясь, добавила:

– Терри рассказывала что-то о редком антигене в ее крови.

– Да, – сказала Джинджер. – Мы подозреваем, что за этим стоит правительственная организация, хотя большинство людей считают, что она прекратила свое существование несколько лет назад. Она была известна как ОПР и была секретным подразделением ЦРУ.

В голове Серены мгновенно возник миллион вопросов.

– Что означает эта аббревиатура? ОПР?

– Отдел паранормальных исследований, – ответила Джинджер.

Джинджер изучающе смотрела на Серену и, как ей показалось, оценивала ее реакцию.

– Но их название не совсем точно соответствует деятельности, – продолжала она, – их интерес ко многим сферам сверхъестественного в лучшем случае поверхностный. Их главная цель – Бессмертные. Вампиры.

Серена молча слушала, ее взгляд перемещался с одной женщины на другую, ища объяснения. Все это было похоже на шутку. Но никто не смеялся.

– Вы хотите сказать, что моя девочка была...

– Нет, конечно нет, – махнула рукой Джинджер. – Но поскольку ты ее мать, ты должна знать о них. Нет, твой ребенок был человеком, в этом не может быть никаких сомнений. Но в каком-то смысле она имеет к ним отношение. Понимаешь, абсолютно все вампиры рождаются на свет обычными людьми, но их объединяет то, что все они рождаются с антигеном Белладонны. Именно он позволяет им становиться вампирами.

Серена пыталась понять то, что ей говорили. Это было возмутительно, просто невероятно.

– Я знаю, что в это сложно поверить, еще сложнее это понять. Но если ты останешься с нами, ты скоро сможешь сама увидеть доказательство. Я хочу, чтобы ты все знала; даже если ты не захочешь к нам присоединиться, мы приложим все усилия, чтобы найти твоего ребенка. И мы позволим тебе уйти, снабдив информацией, которой владеют лишь немногие. У тебя, как матери одной из Избранных, есть право знать это.

– Избранных?

– Так называют людей с этим антигеном. Вампиры по своей натуре чувствуют их и вынуждены защищать их и следить за ними. Но в последнее время Избранные стали исчезать. Вампиры тоже знают об этом. Но на сегодняшний день никто точно не знает, куда и почему забирают детей.

– Но... у вас есть догадки? – спросила Серена.

– Да, но они не подкреплены никакой реальной информацией.

– А чем занимался ОПР до того, как его «закрыли»?

Джинджер отвернулась и встретила глазами с Терри. Вид у той был обеспокоенный, и Серена поняла, что она не скажет ничего хорошего.

– Они в основном занимались... исследованиями. Они изучали природу вампиров, особенности их физического строения, они изучали, как можно подчинять вампиров себе и уничтожать их.

Сдавленный вскрик сорвался с губ Серены раньше, чем она успела его подавить.

– Вы думаете, что они используют моего ребенка как подопытного кролика в лаборатории для какого-нибудь государственного эксперимента?

– У нас нет абсолютно никаких доказательств этого.

– О боже! – Серена закрыла лицо руками и заплакала.

Женщины по очереди покинули комнату. Она слышала, как они выходили, оставляя за собой пустоту, потом подняла голову и вытерла глаза. По обе стороны от нее сидели Терри и Джинджер.

– Мне не понятно, чем вы занимаетесь здесь.

– Мы – Сестры Афины, наш орден существует уже многие столетия. Чем мы занимаемся... мы наблюдаем. Следим. Мы стараемся не вмешиваться, пока это не становится абсолютно необходимо. Наша миссия – защищать баланс сверхъестественного. То есть баланс природы вообще, ведь есть вещи, о существовании которых большинство людей просто не подозревают.

– Вы... защищаете вампиров?

– У них тоже есть право на существование. Они являются такой же частью природы, как и мы. Их исчезновение может привести к разрушению мирового баланса, как исчезновение любого другого вида. Мы считаем, что им нужно позволить жить и развиваться так же, как нам. Люди не должны вмешиваться в их жизнь.

– Но разве они... не питаются людьми?

– Они такие же, как мы, Серена, – повторила Джинджер. – Среди них есть хорошие и плохие. Хотя, когда появляется плохой, хорошие пытаются избавиться от него. Вампиры питаются кровью из банков крови, изредка ищут себе жертв среди преступников. Они практически никогда не трогают обычных людей, возможно, только в целях самозащиты.

Таким образом, обычно мы просто наблюдаем за вампирами, – продолжала она. – И защищаем их, когда это становится необходимо. Даже вампиры не должны знать о нашем существовании. Мы действуем тайно.

– То, чем мы занимаемся здесь, опасно, – сказала Терри. – Мы действуем против правительственных структур, тайных убийц, охотников на вампиров, которые были бы счастливы истребить их всех.

– Не говоря, – добавила Джинджер, – о самих вампирах. Иногда они догадываются, что мы знаем о них и следим за ними. Они принимают нас за еще одну угрозу своему существованию. Не всегда удается объяснить им все вовремя.

Серена медленно закрыла глаза.

– Это... слишком сложно.

– Мы знаем, – кивнула Джинджер. – Но пока это вся информация, которую я хотела сообщить тебе. Если ты примешь решение присоединиться к нам, ты узнаешь больше. Намного больше. Но ты не должна решать это прямо сейчас. Останься с нами на несколько дней. Восстанови силы. А мы начнем разыскивать твоего ребенка. Возможно, именно он приведет нас к остальным пропавшим Избранным.

– Да, – поддержала Терри. – Будь нашей гостьей и отдыхай. Если ты захочешь вернуться к своей прошлой жизни, мы не будем тебе препятствовать. Мы доверяем тебе хранить нашу тайну. Мы верим тебе, потому что мы – твоя единственная надежда найти дочь.

Серена кивнула:

– Вы правы. Я не выдам вашего секрета. И мне не нужно несколько дней на раздумье.

– Осторожнее, Серена, – предостерегла Джинджер. – Это очень серьезное решение. Если ты согласишься, ты уже не сможешь никогда вернуться к прежней жизни.

– У меня нет никакой прежней жизни. Мой ребенок – это все, что у меня было. И я посвящу свою жизнь тому, чтобы найти его и заставить тех, кто забрал его у меня, заплатить за это. Чтобы они больше не могли отнимать детей у матерей.

Джинджер посмотрела на Терри, и та пожала плечами.

– Я уверена, – твердо произнесла Серена, переводя взгляд с одной женщины на другую. – Я хочу присоединиться к Сестрам Афины.

Джинджер кивнула:

– Пусть будет так. Я буду готовить церемонию посвящения. Но тебе все равно потребуются несколько дней, чтобы прийти в себя. Ты будешь участвовать в занятиях, медитациях. Но это все подождет до завтра. – Она повернулась к Терри: – Почему бы тебе не показать нашей новой сестре ее комнату?

Настоящее время

Этан распахнул заднюю дверь конюшни, и за ней открылся вид на зеленый луг, залитый лунным светом. Луг был окружен деревянным забором, повторявшим изгибы грунта и поэтому неровным. Маленький ручей разделял луг на две части и обеспечивал запас питьевой воды. За лугом росли отдельные деревья, постепенно образующие настоящий лес, который уходил к горам, видневшимся вдали.

Этан вернулся внутрь, открыл одно стойло, затем другое. Его друзья без слов поняли, что пришло им время порезвиться.

Этан наблюдал за тем, как они двигались. Выйдя на улицу, лошади встряхнули гривами, заржали от радости и пустились галопом в ночь.

Никто не любит быть взаперти. Быть пленником. Даже зная, что их выпускают каждую ночь, лошади всегда реагировали так, будто их держали взаперти долгие годы и это был их первый глоток свободы.

Лошади чувствовали то же, подумал Этан, что и он, когда сбежал с Фермы.

Этан взял вилы и лопату, пошел к первому стойлу и приступил к ежедневной чистке.

Он ни на что не променял бы свою свободу. Никогда не стал бы рисковать ею. Даже ради Лилит. О, как он хотел, чтобы его брат был сейчас рядом и посоветовал ему, что с ней делать. Ведь она могла только притворяться, что ничего не помнит. Возможно, ее послали, чтобы убить его. Они должны были послать кого-то рано или поздно. Даже если у нее не было такой цели, за ней могла быть слежка.

Лилит была угрозой его свободе. Почему же тогда он не отослал ее?

Он опустил голову и вдруг понял почему. Это не принесло бы пользы. Если он прогонит ее, она расскажет остальным, где он находится. Единственный способ предотвратить это – оставить ее здесь. Или убить.

Этан прекратил работу, оперся на длинную рукоятку лопаты и закрыл глаза. Он прекрасно знал, что не сможет ее убить. Он причинил ей зло. И его мучила совесть с того момента, когда он был вынужден оставить ее. Он хотел вернуться за ней, но не сделал этого.

Потому что тогда у него не было бы шанса выжить. Потому что он даже не знал, была ли она жива. Потому что он надеялся сначала найти своего брата, и тогда вдвоем они попытались бы спасти ее. И главное – он понимал, что она откажется покинуть это место, оставив хотя бы одного узника в заточении.

Он не вернулся за ней. И он хорошо знал, почему не рассказывает ей всю правду об их знакомстве – тогда он должен будет признаться в том, что он сделал. Что он спасся сам, но бросил ее и что с тех пор его душа болела из-за этого каждую секунду.

Он закончил уборку в рекордное время – Этан боялся оставлять Лилит одну, – убрал все инструменты на место, закрыл заднюю дверь, вышел и пошел по тропинке к дому.

В окне он увидел ее силуэт, освещенный пламенем камина, и остановился. Она была прекрасна.

Долгие годы на Ферме Этан наблюдал за ней издали. Он боялся за нее. Почти каждую неделю ее наказывали за то, что она отказывалась подчиняться правилам, посещать занятия и повиноваться ОПР. В последнее время у нее были проблемы из-за того, что она призывала остальных к бунту. Они практически не разговаривали. Но однажды Лилит заметила, как он смотрит на нее. ОПР держал мужчин и женщин отдельно. Все они хорошо охранялись, а их день был расписан по минутам: многочисленные занятия, тренировки, короткий отдых. Им говорили, когда они должны идти в бараки спать, когда должны вставать. Даже посещение ванны и душа проходило согласно строгому расписанию. Времени для общения или просто разговоров не было.

Этан всегда обращал на Лилит внимание, когда она шла вместе с другими девушками из барачков на занятия. Он же вместе с другими молодыми мужчинами шел в противоположном направлении, возвращаясь с боевой подготовки.

Когда она замечала его, она оборачивалась. И не сводила с него глаз. Таково было их единственное общение день за днем. До последней ночи, той ночи, когда ему удалось бежать.

Тогда ему удалось проникнуть в ее барак через окно, надеясь вопреки всему, что найдется какой-то способ взять ее с собой, обмануть патруль. Пока все остальные спали, он шел по рядам коек, вглядываясь в темноте в каждое лицо, чтобы найти ее.

Лилит лежала без сна, с открытыми, но ничего не видящими глазами. Последнюю неделю ее держали отдельно от остальных, ей вкалывали лекарства, наказывая за постоянное непослушание.

Этан поймал на себе ее несфокусированный взгляд. Она открыла рот, чтобы сказать что-то, но он приставил к ее губам палец.

Он подошел ближе и встал на колени перед ее койкой. Она повернулась на бок, не в силах подняться.

Не говоря ни слова, он взял ее лицо в свои руки, наклонился и прижал свои губы к ее губам. Он почувствовал, как ее губы дрожат и раскрываются, почувствовал ее горячее дыхание.

Ее руки обвили вокруг него, и он почувствовал, словно горит. Этан поцеловал ее еще раз, и Лилит ответила ему с желанием, которое привело его в глубокое волнение. Они целовались, пока в соседней комнате не послышался какой-то звук, и тогда они отпрянули друг от друга.

Лилит тяжело дышала. Как и он, слишком возбужденный, чтобы остановиться. До этой ночи он никогда не целовал женщину. И он был уверен, что и она была настолько же невинна.

Наклонясь ближе, он прошептал ей на ухо:

– Прости.

И, призвав на помощь всю свою силу воли, поднялся. Он ощущал почти физическую боль, отворачиваясь от этих огромных глаз, в которых горел тусклый огонь желания. Этан поднялся, выбрался через окно и привел в исполнение свой план побега.

И за это, хотя он поступил так ради собственного избавления, он не простит себя никогда.

Я открыла каждый ящик, пролиستала каждую книгу на полках Этана, проверила содержимое шкапулки и просмотрела все, что попадалось мне в руки, но не нашла ни одной вещи, которая могла бы рассказать о его прошлом. Или моем.

Что, если я просто выдумала то, что мы были знакомы? Возможно, все это ничего не значило. Возможно...

Я почувствовала, что Этан находится близко, повернула голову и увидела, что он стоит всего в нескольких ярдах от дома и смотрит на меня. Я не смогла сдержать улыбку при виде его, так рада была тому, что он вернулся. И несмотря на свой страх показаться смешной или глупой, я поспешила к двери и открыла ее настежь.

Этан остановился только на одну секунду, но, как только наши глаза встретились, я опять почувствовала, что он мне до боли знаком и что мы уже когда-то смотрели так друг на друга. Я задрожала от неизвестного предчувствия, когда он шагнул навстречу мне.

Я отошла в сторону только тогда, когда он достиг двери. Как только он перешагнул через порог, его руки обвили вокруг моей талии, и он прижал меня к себе. Он наклонил голову и поцеловал меня с такой силой и страстью, которые выдавали его желание. Я почувствовала то же, что и он, и ответила на его поцелуй.

И тут же поняла, что этот поцелуй... был мне знаком.

Когда Этан наконец поднял голову, я открыла глаза и с удивлением заметила, что его глаза ярко светились, как будто внутренний огонь, который, я чувствовала, горел в нем, отразился в этих глазах.

Я не могла оторвать от него взгляд.

– Мои глаза тоже блестят? – спросила я.

Он кивнул.

Вдруг меня накрыла волна усталости. Мои колени подогнулись, но я сделала усилие, чтобы удержаться на ногах.

– Ты целовал меня раньше, Этан, – сказала я ему. – Я знаю.

Он снова кивнул.

– Ты должен рассказать мне. Пожалуйста, Этан, я должна это знать. Я хочу это знать так же сильно, как... как я хочу тебя.

Он почти улыбнулся. Уголки его губ поднялись на секунду, и полуулыбка тут же растаяла. В его потускневших глазах читалось беспокойство, которое я не могла понять. Наконец он кивнул:

– Я расскажу тебе. Я расскажу тебе все. Но история эта длинная, а у нас мало времени.

– Мало времени? – Я нахмурилась, не понимая, о чем он говорит. Мои веки стали опускаться, а голова вдруг показалась такой тяжелой.

– Ты чувствуешь это. Я вижу. Скоро взойдет солнце, Лилит. Нам нужно отдохнуть. Как жаль, что у нас нет выбора. – Сказав это, он повернулся, держа меня одной рукой за талию,

запер дверь и повел меня к лестнице. Моя голова упала на его плечо, и мое тело обмякло. Тогда Этан подхватил меня на руки. Я обвила его шею своими руками и заснула прежде, чем он дошел до спальни.

Глава 6

Настоящее время

Джинджер Уолтерс, глава Аппалачского регионального отделения Сестринства Афины, нахмурилась, когда услышала телефонный звонок.

Серена подняла на нее взгляд, но в нем не было любопытства. Она жила с сестрами более двадцати лет и была знакома со всеми внутренними правилами. Сестры знали то, что им нужно было знать, но не больше. Кроме нее самой, Терри, которая привела ее сюда, Джинджер и нескольких других женщин, никто во всей организации не предполагал, что она является матерью одного из Избранных, тех немногих людей, которые могут превратиться в вампиров. Тех, за кем они наблюдали. Джинджер сказала, что «они» никогда не допустили бы ее в организацию, если бы знали. «Они», то есть люди, стоявшие во главе организации. Сказать, что они были строги, значило ничего не сказать. Проведя здесь некоторое время, Серена поняла то, что никогда не произносилось вслух: если женщина присоединялась к Сестринству, она не имела права уйти.

Никогда.

Когда сестры становились старше, их переводили в другие отделения, где они занимались исследованиями, ведением учета и подобными вещами, а новые рекруты занимали их места.

Возможно, утверждение, что никто не мог покинуть Сестринство, было преувеличением. Но Серена понимала, что подобные меры были необходимы. Организация существовала в строжайшей секретности. Серена сама стала такой же верной и преданной этому делу сотрудницей, как и другие.

Сестры как раз возвращались с лужайки, где проходили ежедневно их утренние и вечерние тренировки. Лужайка располагалась на заднем дворе и была огорожена высоким непроницаемым забором. Сестры занимались там цигун и кун-фу. Все они направлялись в свои комнаты, чтобы принять душ.

Сестры проходили в дом через заднюю дверь, а телефонный звонок застал Джинджер на кухне. Она сняла трубку.

– Джинджер Уолтерс слушает. Кто это?

Неуловимые нотки в ее тоне заставили Серену насторожиться. Когда она увидела лицо женщины, то сразу поняла, что случилось что-то необычное.

Джинджер посмотрела Серене в глаза:

– Позови Терри и закрой дверь. Быстрее.

Серена кивнула и выбежала из комнаты. Сестры уже начали расходиться по комнатам, но Терри немедленно откликнулась на ее зов.

Вместе с Терри они поспешно вернулись в кухню. Серена закрыла за ними дверь, и Джинджер сказала:

– Хорошо, Каллиста, продолжай. – Она нажала кнопку громкой связи и положила трубку.

– Каллиста? – прошептала Серена с недоверием, бросив удивленный взгляд на Терри. Прошло уже двадцать восемь месяцев с тех пор, как она выходила на связь последний раз. Каллиста завязала роман с предполагаемым сотрудником ОПР, притворяясь, что она ничего не знает о его работе. В конце концов она завоевала его доверие, и он помог ей получить работу охранницы в каком-то таинственном месте, называемом Фермой.

Каллиста планировала, работая там, тайно посылать Сестрам информацию о местонахождении Фермы, выяснить, связано ли это место с пропавшими детьми, в том числе с дочерью

Серены, которой должно было исполниться двадцать один год. Но Каллиста внезапно пропала. Никакие, даже самые тщательные, поиски не давали результата.

Все это ураганом промелькнуло в голове Серены за долю секунды.

– Продолжай, Каллиста. Где ты находишься?

– На Ферме. – Она говорила шепотом.

Джинджер прибавила звук.

– Я находилась здесь все это время, но не могла связаться с вами, потому что нельзя иметь никакого контакта с внешним миром. Не разрешается покидать Ферму, пока не закончится контракт, и даже тогда...

– Как же тебе удалось связаться с нами?

– Меня убьют, если узнают. Я украла мобильный телефон у охранника, который тайно пронес его сюда. Если он заявит о пропаже, его расстреляют, так что, возможно, все обойдется. И я *обязана* была связаться с вами.

– Почему?

– Дочь Серены...

– Она там? – Серена метнулась к телефону, как будто надеялась увидеть в нем своего ребенка.

– Она была там, – сказала Каллиста. – Узницей, одной из многих. Но ей удалось бежать. Но я уверена, что сначала она... она перевоплотилась.

Серена почувствовала, что ее тело словно окаменело. Она не могла пошевелиться. Она ничего не чувствовала. Ее сердце остановилось.

– Она... Она стала... – Серена не могла даже *произнести* это.

– Я так думаю, Серена. Ее зовут Лилит. Но после предыдущего побега охранники установили новую программу, которая позволяет оставлять метки на узниках. Всем имплантировали устройство, с помощью которого их можно будет обнаружить. Оно приводится в действие дистанционно. Узники Фермы ничего не знают об этом. Ее быстро обнаружат, а когда доставят обратно, она будет казнена. Вы должны найти ее первыми. Вот почему я обязана была рискнуть и позвонить вам.

Серена молча кивнула. Терри обняла ее за плечи, чтобы успокоить, облегчить ее боль. Но она ничего не чувствовала. Глаза ее были сухими. Она потеряла свою дочь. Она *потеряла* ее. Лилит даже не была человеком.

– Каллиста, ты можешь выбраться оттуда? – спросила Джинджер.

– Я не могла сделать этого и раньше, а сейчас, в связи с побегом Лилит, охрана усилилась в несколько раз. Я буду пытаться, но вряд ли мне это удастся сейчас, а контракт кончается через восемь месяцев.

– И они отпустят тебя? – спросила Джинджер. – Они верят, что люди будут молчать?

– Любой, кто проболтается, будет убит. Нам это очень понятно объяснили.

Джинджер кивнула.

– Тогда расскажи все, что можешь, сейчас, пока это безопасно.

– Я не могу рассказать все. Но возможно, у меня не будет другого шанса. Я не знаю, где находится Ферма. Когда нас привозят сюда, всем завязывают глаза. Никто не покидает территорию до окончания контракта. Но я знаю, что это место находится в двух часах пути от Дома Афины, может, меньше. Я предполагаю, что меня возили кругами, чтобы я потеряла ориентацию на местности.

– Хорошо. Что ты еще выяснила, Каллиста? Что там *происходит*?

– Они программируют детей. «Промывают» им мозги. Учат их... убивать по приказу. Подчиняться, не задавая вопросов. Они забирают всех детей с антигеном, которых только могут найти. Когда дети вырастают, их перевоплощают и увозят в какое-то другое место. Они...

они создают армию вампиров, верных самой секретной организации США, которые, не задумываясь, пойдут на смерть.

Глаза Джинджер расширились от ужаса, который она испытала, услышав эти слова. Она посмотрела на женщин. Серена почувствовала, что ее сердце разорвалось.

– Они не смогли сломать твою дочь, Серена, – продолжала Каллиста. – Ты должна знать это. Она была сильной. Она была бунтаркой до мозга костей.

Серена затаила дыхание.

– Она удивительная женщина, – продолжала Каллиста. – Вампир или человек – все равно. Я любила ее. И ты ее полюбишь. Если вы успеете найти ее. – Она помолчала и добавила: – Я пошлю вам с этого телефона ее фотографию. Она поможет вам в поиске.

Джинджер медленно кивнула, а потом стала ходить взад-вперед.

– Полагаю, ты не знаешь, куда она могла отправиться?

– У меня есть одна догадка, – сказала Каллиста. – Спустя месяц после того, как я приехала туда, был еще один побег. Молодой человек по имени Этан. Фамилию его я не знаю. Я... помогла ему, но тогда у меня не было выбора.

– Мы знаем вампира по имени Этан! – воскликнула Терри. – Он живет недалеко от Месины. Мы наблюдаем за ним уже почти год.

– Здесь он – легенда. И Лилит тоже станет ею. Но... она рассказывала мне о нем. И в ее глазах и голосе было что-то такое... Нет, думаю, я не выдумала это. И я знаю, что у него были чувства к ней. Вполне может быть, что...

– Отличная работа, Каллиста.

– Спасибо тебе, спасибо большое, – сказала Серена. – Пожалуйста, береги себя.

– Постараюсь. Мне так хочется поскорее убраться из этого... Мне пора.

На этом разговор прервался.

Джинджер выключила телефон и повернулась к Серене и Терри:

– Пришло время заявить о себе власть имущим. Потребуется усилия не только нас троих, чтобы защитить Лилит и спасти Каллисту.

– Нам понадобится помощь всех Сестер, и даже ее может оказаться недостаточно, – сказала Терри.

Серена кивнула.

– Если у них есть армия вампиров, то единственный способ победить их – создать свою такую же армию.

– Ни в коем случае. – Джинджер покачала головой. – Мы никак не взаимодействуем с ними. Мы пытаемся скрыть от вампиров само свое *существование*. Такова наша политика, и я полностью ее поддерживаю: от нее зависит наша оперативность. Даже не думайте о том, чтобы изменить ее. Это понятно?

Серена кивнула и склонила голову.

– Хорошо. Мы отправимся на ранчо к тому вампиру, о котором говорила Каллиста, вечером, после захода солнца, возможно, мы найдем там и твою дочь. Если нет, мы постараемся, по крайней мере, предупредить ее.

Серена подняла голову.

– О боже, – прошептала она. – Возможно, я увижу свою дочь... сегодня вечером.

– Ты можешь увидеть ее сейчас, – сказала Джинджер, улыбаясь.

Она провела Серену через кухню и просторную столовую в библиотеку. Закрыла дверь, подошла к компьютеру и, даже не присаживаясь, стала печатать. Через несколько секунд она отошла от монитора и улыбнулась:

– Она так похожа на тебя.

Сердце Серены бешено колотилось, она подошла к столу и смахнула слезы, мешавшие ей видеть. На экране монитора была фотография красивой молодой женщины с рыжими волосами и яркими зелеными глазами.

Терри, стоявшая рядом с Сереной, сказала:

– Она прекрасна.

Серена кивнула, но не смогла ничего ответить, настолько ее переполняли эмоции. Она подняла дрожащую руку и провела пальцами по щеке дочери, а по ее собственным щекам текли слезы.

Этан проснулся на закате, Лилит по-прежнему лежала в его объятиях, так же как когда он засыпал. Возможно, ему не следовало делать это, но он уложил ее в своей комнате. Сам он переоделся, но не стал трогать Лилит, на которой по-прежнему была только его рубашка. Он лег и обнял ее, радуясь тому, что она вне опасности, и удивляясь ее мужеству.

Засыпая, он вспомнил свою последнюю ночь в заключении...

В ту ночь он поцеловал ее, и ему снова хотелось ощутить ее близость, а душа его болела от того, что он должен был сделать – покинуть это место, покинуть *ее*...

– Ты *должен*. Пора, Этан.

Он кивнул, услышав шепот за окном. Это была Каллиста, одна из охранниц, но настолько отличавшаяся от остальных, что он часто задумывался о том, кто она такая на самом деле.

Этан стоял у окна барака, но не мог сдвинуться с места. Он был прикован к этому месту, потому что был уверен, что видит Лилит в последний раз.

– Этан, ты должен сделать это и ради нее.

Юноша покачал головой, каким-то невероятным усилием оторвал взгляд от Лилит и бесшумно выбрался наружу.

Каллиста стояла рядом с ним. Была теплая осенняя ночь, первая ночь его новой жизни. Почему все должно было случиться именно так?

Каллиста отвела его в самую отдаленную часть лагеря, где между хозяйственными строениями и забором располагались небольшие заросли кустарника и несколько деревьев. Было заметно, что она чрезвычайно нервничает.

Наконец Каллиста указала на одеяло, расстеленное на траве:

– Ложись.

Этан посмотрел на нее с недоверием:

– Я думал, ты поможешь мне бежать.

– Так и есть. Единственный способ бежать – это перепрыгнуть забор, а перепрыгнуть забор ты можешь только в одном случае – если станешь вампиром. Я помогу тебе перевоплотиться. Ложись.

Он застыл на месте и внезапно ощутил усталость.

– Это какая-то уловка, Каллиста? Ты испытываешь меня? А через несколько минут здесь будут охранники и набросятся на меня? Это то испытание, о котором ты мне рассказывала? Ты еще сказала, что я не смогу его пройти.

– Нет, Этан. – Она встала на колени перед одеялом, открыла сумку и начала вытаскивать оттуда пакеты с кровью и трубки. – То испытание, о котором я тебе рассказывала, показало бы им, можно ли тебе будет доверять, после того как ты перевоплотишься.

Этан сел на землю, но не стал ложиться, как она ему говорила. Над его головой ярко сияли звезды, словно мотыльки на бархатном покрывале. Вдали кричала ночная птица.

– А если я не пройду тест, они не дадут мне перевоплотиться, и тогда я останусь таким, какой я есть. По мне, это очень неплохая перспектива.

– Если ты обманешь их ожидания, тебя ждет нечто более страшное, чем смерть.

– Что может быть хуже смерти? – спросил он с надменными нотками в голосе. Но когда Каллиста посмотрела ему в глаза, его кровь похолодела от ее взгляда.

– Они все равно перевоплотят тебя. Но они не будут тебя кормить и накачают лекарствами, чтобы ты был слаб, и будут брать у тебя кровь каждый раз, когда им понадобится новый вампир. Ты превратишься в машину, вырабатывающую кровь, и до смерти будешь находиться в маленькой камерке, без света, без тепла, без людей.

Этан сомкнул веки и тряхнул головой:

– Вот как... они это делают? Они держат где-то вампира?

– Ммм, да, – сказала она, кивнув. – Но ему осталось жить недолго. Им нужна... свежая кровь.

К горлу Этана подступила тошнота, его взгляд был прикован к пакетам с кровью.

– Это от него?

– И с его благословением, – сказала она. – Он хочет, чтобы ты выбрался отсюда, так же сильно, как и я.

Этан облизнул губы и отвернулся от нее.

– Я не могу. Я не могу оставить ее здесь.

– Я уже объясняла тебе: она слишком слаба сегодня.

– Тогда я пройду этот тест и добьюсь их расположения.

– В любом случае они отошлют тебя отсюда, но ты превратишься в их раба и больше никогда не будешь свободным. Но тебе не пройти испытание, Этан. Никогда.

– Почему ты так уверена?

Каллиста посмотрела ему в глаза и одновременно нажала на грудь, заставив лечь. Этан стал сопротивляться, и она прошептала:

– Они прикажут тебе убить Лилит. Они тщательно продумывают эти задания. И они знают, что ты испытываешь к ней глубокие чувства. Нет лучшего способа проверить твою верность им.

Этан почувствовал, что силы покидают его и ему не хватает воздуха. Каллиста уложила его на спину и, прежде чем он мог опомниться, закатала его рукав и воткнула в руку иглу. К игле была присоединена трубка, один конец которой выходил в небольшую яму, вырытую в земле. Его кровь начала сочиться по трубке и стекать в эту яму глубиной два фута.

– Если ты откажешься убить ее, они сделают это сами. Она погибнет в любом случае, а ты либо будешь машиной для выполнения их приказов, либо останешься в заключении до самой смерти. Выбирай, Этан. Я перевоплощу тебя, и ты сбежишь отсюда.

– А что будет с Лилит? – спросил он, подняв голову. Тут Этан почувствовал головокружение и был вынужден снова лечь.

– Я буду заботиться о ней. Возможно, со временем мне удастся вызволить ее отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.